

шенной манере сообщается только о политическом господстве Руси над 16 народами.⁵²

Возможно, что источником, из которого автор главы «О Ярославе» заимствовал фразы о православной вере, исполнении благодатью, изобиливании земным доброплодием, могло быть «Слово о погибели Русской земли». ⁵³ В нем после описания украсно украшенной многими красотами Русской земли встречается обобщающая фраза: «всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианьская». Откуда взята фраза о том, что поганые не присягали «на Иуду», остается неизвестным, так как в сохранившихся двух списках «Слова» подобных выражений нет.⁵⁴

Таким образом, описание богатства Русской земли из «Слова о погибели» сокращено до минимума в главе «О Ярославе» и вовсе отсутствует в «Родословии». Описание политического величия Руси в извлечениях из Степенной книги может быть сопоставлено со «Словом о погибели Русской земли».

В отрывке из Степенной книги, так же как и в «Слове о погибели», политическое могущество Руси описывается в связи с именем Всеволода Юрьевича. Если в отрывке из Степенной Рюрик и Игорь названы предшественниками Всеволода, то в «Слове о погибели» — это Владимир Мономах и Юрий Владимирович. Различие это объясняется тем, что для составителя «Родословия русских государей» было более уместно обратиться к авторитету первых князей, чем князей Мономашичей. «От них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии, и сами гречестии царие» — текстуральных соответствий этой фразе в «Слове о погибели» нет никаких. Упоминание народов и стран, повиновавшихся Руси, и опасение Мануила Царьградского перед Владимиром Мономахом в «Слове о погибели» еще не дают оснований видеть в «Слове» источник.

В повествованиях XII—XIII вв. не раз говорилось «о трепетании всех стран», с присоединением иногда и греческих царей, перед русскими князьями, — то Владимиром Мономахом, то Всеволодом Большое Гнездо.⁵⁵ В Лаврентьевской летописи под 1125 г. летописец замечает по поводу смерти Владимира Мономаха: «его имене трепетаху вся страны». ⁵⁶ Под

⁵² «Сии же сугь предречени и покорнии нам роди наши 16 колен, единого с нами племени бывшии, они: 1) угры, 2) чехи, 3) ляхи, 4) ятвяги, 5) литва, 6) немцы, 7) чюдь, 8) корела, 9) устюг, 10) и 11) болгары двой, 12) бургасы, 13) черкасы запорожские, 14) мордва, 15) черемиса, 16) половцы. За страх же наш предбывший, предгрозный и предвеликий, тогда сущный, литва вся убо тогда бояхуся и из лесов своих вон вынидати, татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношашеса и ни именовашася. Таков бо страх тогда мы над всеми роды сими и над иными предмногими, и силу и славу неисповедимую предвеликую и предгрозную храбрость нашу таковую над всеми предсодержахом, аминь» (цит. по: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 64).

⁵³ Впервые на это обратил внимание Н. И. Серебрянский (Древнерусские княжеские жития, стр. 165—166).

⁵⁴ Можно предполагать, что эта фраза была в одном из древнейших источников, а не была сочинена составителем Степенной книги. В произведениях XIII в. (в «Повести о Николе Заравском», в 5-м поучении Серапиона Владимирского) содержатся противопоставления справедливых поступков поганых поведению христиан. Серапион Владимирский так говорил: «Погании бо закона божия не ведуще, не убивают единовѣрных своих, не ограбляют, ни обадят, ни поклепают, ни украдут, ни запрягься чужаго; всяк поганый брата своего не продаст, но кого в них постигнет беда, то испукнет его и на промысел дадут ему, а найденая в торгу проявляют» (Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение, стр. 14). Фраза о неприянии поганых «на Иуду» была взята из памятника, где, вероятно, противопоставлялись добрые старые времена, когда поганые подчинялись Руси и не нарушали присяги, временам нынешним.

⁵⁵ В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. II, кн. 1, стр. 956.

⁵⁶ ПСРА, т. I, стр. 129.